

[НИКОЛАЙ СОТНИКОВ]

ЧЕРНЫЙ СНЕГ

ВОЙНА
И ДЕТИ

Сборник

Николай Николаевич Сотников

Чёрный снег: война и дети

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69946477

Чёрный снег: война и дети / сост. Н.Н. Сотников: Алтейя; 2023

ISBN 978-5-00165-734-7

Аннотация

Художественно-мемуарный сборник продолжает ранее вышедшие в издательстве книги «Война. Блокада. Победа!» и «Мы шли к Победе через все преграды!». В центре внимания авторов сборника – детские судьбы времён Великой Отечественной войны. Жизненный материал отобран строго документальный.

Дети, которых на фронте, в партизанских отрядах и подпольных организациях было немало, совершали яркие подвиги, причём речь идёт не о юношах и девушках, а об учениках средних классов.

Что касается участия в трудовом фронте, то здесь счёт идет на миллионы. Ребятам наскоро обучали азам профессии, и они трудились наравне с взрослыми, но никогда не жаловались. Многие девочки 10–15 лет работали в полевых госпиталях.

«На войне детей не бывает» – гласит известная поговорка. Ребята выросли не потому, что хотели, – того требовала жизнь.

На фронт уходили отцы, братья, мужья и сыновья, а вместо них помощниками становились мальчики и девочки.

Миллионы советских детей, родившихся перед войной, прошли через невероятные жизненные испытания. Горькое сиротство, разрушенные дома, вражеские лагеря, угон в фашистское рабство, бесправное голодное существование на оккупированных территориях – вот что стало их уделом. Они по праву говорят о себе: «Мы родом не из детства – из ВОЙНЫ».

...У детей войны разные судьбы, но всех их объединяет общая трагедия, невозможная потеря мира детства. Война стала их общей биографией.

Содержание

Н. Н. Сотников	10
Владимир Николаевич Соколов (1928–1997)	15
На войне и сразу после	16
Памяти товарища	16
Уже война почти что в старину...	17
Жигули	18
Поэма о первом окопе	21
Три звезды	27
«Нет школ никаких. Только совесть...»	28
Н. Н. Сотников	29
Н. Н. Сотников	39
Н. Н. Сотников	44
Игорь Александрович Таяновский (1936–2009)	48
В парке пушкинском Кишинёва	49
Цветок картошки	51
Считалочка	53
Мой первый стих	56
Н. Н. Сотников	58
Владимир Дмитриевич Цыбин (1932–2001)	61
Смерть старика	62
Бабушка	65
Звёзды	68
Памяти Михаила Луконина	69

О чём говорят обелиски?	71
Звезда на скале	73
Письма	75
Н. Н. Сотников	77
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Чёрный снег: война и дети

Автор проекта,

составитель, автор

статьи и комментариев

Николай Сотников

Юные защитники Ленинграда на Дворцовой площади.
1945 год

Автор проекта, составитель, автор послесловия и комментариев

Н.Н. Сотников

@biblioclub: Издание зарегистрировано ИД «Директ-Медиа» ISBN 978-5-00165-734-7 в российских и международных сервисах книгоиздательской продукции: РИНЦ,

© Н. Н. Сотников, составление, комментарий, послесловие, 2023

© Н. Ударов, стихи, песни и поэмы, 2023 9785001657347

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2023

Н. Н. Сотников

«Помогают и стены на Родине...»

Родился поэт Владимир Соколов в 1928 году. Эта дата и определила его судьбу: *«последний год военного призыва»*, как говорится в одном моём стихотворении, – 1927-й. На передовую эти парни уже, как правило, не попадали, но зато срок воинской службы у них был значительно продлён. «Лучше бы я под огнём был!» – сетовал мой один старший товарищ.

В общем-то, несмотря на все военные (но не фронтовые!) тяготы, у Владимира Соколова как-то всё с самого начала ЗАЛАДИЛОСЬ.

Успешно учился. Вскоре начал охотно печататься на пути к своей первой книге. Среди ровесников-студентов Литературного института он выделялся своей успешностью. Хотя курс был сильный: многие вошли если не в первые, то, во всяком случае, во вторые ряды поэтического поколения, а в литературе второй ряд труден и почётен.

Евгений Евтушенко был как студент его младше, но между ними, несмотря на взаимные «покусывания» друг друга, отношения сложились прочные и многолетние. По-моему, в похвалах Соколову Евтушенко даже шёл на перехлёст, в частности отдавая старшему товарищу предпочтение в осво-

ении военной темы, точнее – темы военного детства. Я в этом лишний раз убедился, готовя нынешний, третий том серии «*Война. Блокада. Победа!*» Чисто технически он всегда был ровен, немногочисленные пародисты при всём желании не могли отыскать для себя каких-то огрехов, но эта ровность зачастую вела к монотонности, особенно в ранних стихах.

Всю жизнь Владимир Соколов набирал высоту. Печатался он регулярно, много и чаще всего – сравнительно легко. «*Со мной опять Некрасов и Афанасий Фет*» — вот его далеко не всеми поэтическими ровесниками, в том числе и Евтушенко, принятый афоризм; уж больно разные он соединил в двух строчках имена. А мы никогда не должны забывать о том, что Фет, пожалуй, был единственным публицистом, который открыто выступал против отмены крепостного права, что, однако, не помешало ему стать камергером. Высшие придворные чины, очень желанные для Фета, как-то не давались его коллегам по Парнасу и, узнав о «*камергерстве Шеншина*» (строчка, кочующая из эпиграммы в эпиграмму; при рождении Фет был записан на фамилию второго супруга его матери – Афанасия Шеншина), продолжали разрабатывать эту волнующую их тему.

Внешне Соколов не проявлял особого рвения ко всякого рода почестям, хотя и стал орденоносцем и лауреатом Государственной премии СССР.

Не рвался он и к должностям – литературным и околотолитературным, говоря в шутку своей однокурснице (и не толь-

ко однокурснице, как вы сейчас узнаете) Наталье Дуровой: «Я писатель домашний, чем и горжусь!» Видимо, он говорил об этом часто и достаточно громко, ибо его ленинградские коллеги иронизировали над этими словами и заявляли: «Кокетничает!»

Лично я думаю, что никакого кокетства не было и быть не могло: просто-напросто таковой была суть характера и поэзии Владимира Соколова.

Я лично не люблю как критик «анализировать» личную жизнь деятелей литературы и искусства, но здесь было всё слишком очевидно: недаром *Соколова и Дурову* называли женихом и невестой!

Какая могла бы получиться пара, трудно сказать, но Марианна, преемница Дуровой, была в большей степени, она, хозяйкой писательского дома (а это – не просто ДОМОХОЗЯЙКА). Как сын учителя Дуровой, неоднократно бывавший у них с народным артистом СССР, любимцем Станиславского Михаилом Пантелеймоновичем Болдуманом, могу, не вдаваясь в подробности, сказать, что домовитостью Наталья Юрьевна не отличалась.

Как мне сказала сама Дурова, показывая своё белое стихотворение, посвящённое памяти Соколова, «звонила Марианна, приглашала на похороны Володи, сказав, что теперь нам ревновать друг к другу бессмысленно...» И всё-таки она отклонила предложение бывшей соперницы и, думаю, поступила правильно, пресекая заранее все разговоры и пересуды.

Были у Евтушенко-критика довольно острые выпады против некоторых стихотворений Александра Межирова. Критика в адрес Соколова оказалась куда мягче, а предисловие к двухтомнику – даже излишне хвалебным (что для Евтушенко большая редкость!).

Сразу скажем, чтобы определиться: в этом предисловии есть заметное перехваливание произведений раннего периода в творчестве Соколова и заметная недооценка действительно лучших произведений последних лет, когда количество строк заметно сократилось, а глубина, если так можно выразиться, стала глубже.

Поэтическое имя Владимира Соколова было чуждо шумной популярности, огромным аудиториям слушателей и зрителей поэтов на стадионах. Естественно, возникло в критике стойкое убеждение, что Соколов принадлежит к сравнительно малочисленному отряду поэтов «тихой поэзии»... Но так ли уж тиха и избыточно укромна его поэзия? Прочтите ещё раз двухтомник Соколова, и вы дадите резко отрицательный ответ.

Когда я немало выступал именно как критик, а не поэт, то щедро цитировал несколько «тихий» стихотворений, в частности «Танки» Ларисы Васильевой. И представьте себе, когда доходил до строчек *«И женщина шла без жакета, кричала: “Победа идёт!”»*, то не кричал эти строки, а произносил намеренно тихо. Эффект был обратный: в шёпоте слышался ликующий крик!

Вот вам и «тихая поэзия»! Таких стихотворений немало и у Владимира Соколова. И нет никакого сомнения в том, что стихотворцы-крикуны, среди которых большинство оказалось диссидентами, умолкли в истории нашей поэзии, а такие поэты, как Владимир Соколов, звучат всё сильнее и пронзительнее.

**Владимир Николаевич
Соколов (1928–1997)**

На войне и сразу после (юношеские стихи)

Памяти товарища

Что делал я тогда? Снопы вязал,
а может быть, работал на прополке,
когда ты тоже полем проползал,
где каждый метр изранили осколки.
Меня поймёт, кто был для фронта мал,
мальчишка, живший на Оби иль Каме.
он тоже географию сдавал
по карте, сплошь истыканной флажками.
Ни на минуту друга не забыв,
я жил, ни слова о тебе не зная.
прошла война. Коль всё ж придет другая,
нам без тебя являться на призыв.
Но как ты жив! Не памятью, не тенью,
а так, что кажется: ты здесь вот рядом, сам,
погибший на московском направленьи,
быть может, самый юный партизан.
А дни бегут скорее и скорее.
Они спешат. Они торопят нас.
Не по годам, а по часам стареют
учебники истории сейчас.

От нас военные года всё дальше,
всё глуше громы незабвенных битв.
Но ты спокойно спи, великий мальчик!
Как и они, не будешь ты забыт.
А дни бегут. Большой весною дружной
украшен мир, насколько видит глаз.
Как дорожить нам нашей жизнью нужно,
когда она во столько обошлась!
Быть может, долгий век отпущен мне.
Я должен жизнь свою прожить такую,
чтобы зачлась она моей страной
с твоим коротким веком наравне.

Уже война почти что в старину...

Уже война почти что в старину.
В ряды легенд вошли сражений были.
По книжкам учат школьники войну,
а мы её по сводкам проходили.
А мы её учили по складам
от первых залпов городских зениток
до славы тех салютов знаменитых,
которых силу я не передам.
Войну, что опаляла наши дали,
в века отбрасывая зарев тень,
в холодных классах нам преподавали
и на дом задавали каждый день.

И мы прошли под зимний звон ветров
и песен, порохом её пропахших,
от тяжких слов о гибели отцов
до возвращенья без вести пропавших!
Я речь о том повёл не оттого,
что захотелось просто вспомнить детство,
а потому, что лишь через него
я в силах в быль великую взглядеться
и рассмотреть, что в грозном том году
и мы забыли тишь (без сожалений!),
чтоб стать сегодня равными в ряду
проверенных войною поколений.

Жигули

Той самой осенью суровой,
когда на подступах Москвы
ночных пожарищ свет багровый
ложился на «ежи» и рвы,
и ночь была мала тревоге —
сирена выла среди дня,
мы были далеко в дороге,
дворов московских ребятня.
Чернели берегом деревни,
и, мимо них спеша вперед,

волну на две делил форштевнем¹
наш затемненный пароход.
Он, торопясь, дышал устало,
ни блика не бросал волнам,
и даже бакены, казалось,
украдкой мигали нам.

Тянулись берега немые —
ни фонарей, ни ламп не жгли,
когда услышали впервые
мы это слово: ЖИГУЛИ.
И загляделись мы, мальчишки,
не замечая темноты,
на эти нефтяные вышки
и бесконечные плоты.
И разве думалось ребятам,
что, может, в будущие дни
сюда, к мохнатым горным скатам,
душой потянутся они?
И будут так, как я сегодня,
в один из самых ясных дней
широкой волжской гладью водной
спешить к причалам Жигулей...
...Дрожала палуба от гула.
Мы быстро шли. И над водой
уже смолою с гор тянуло,
и липой пахло молодой.

¹ Форштевень (*голланд. voorstevен*) — носовая оконечность судна, являющаяся продолжением киля.

А мы у поручней стояли,
дыханье затаив, и вот,
швырнув гудок в лесные дали,
на месте замер пароход.
Казалось: так он и остался,
а этот шумный берег сам
неудержимо приближался,
всё увеличиваясь, к нам.
Притягивал лебёдок пеньем,
людьми, всей громкой жизнью той,
что так мы ждали в нетерпенье,
версту считая за верстой.
Потом раскачивались сходни
под топотом десятков ног...
Друзья, мы вышли вдаль сегодня
одною из больших дорог.
Мы запаслись одним – уменьем,
ведь не уместишь в рюкзаках
всего, что мы храним и ценим,
огромный мир держа в руках.
Мы входим в первые бригады
на стройках родины сейчас.
Так, если это будет надо,
и роты сложатся из нас.
Из нас, не знавших бед походных,
но росших в школе трудных лет,
из «необученных», но «годных»,
как воинский гласит билет.
...Высокий, мирный день сияет.

Но он не минул, вечер тот.
Нас память наша подгоняет,
торопит в грохоте работ.
И где мы некогда проплыли,
Не тихо нынче, не темно.
Там облако рабочей пыли
над Волгой косо взметено.
Там люди – нет смелей, надёжней,
там экскаватора стрела
Флажок бригады молодёжной
над всею стройкой подняла.
Недаром родина решила,
что здесь (и так тому и быть!),
давая миру свет и силу,
земное солнце будет жить.
И юность наша встала рано,
умылась волжскою водой.
У рычагов, рулей и кранов
день начала свой трудовой,
Чтоб на земле светлее стало —
в домах, на поле, у станков,
чтобы война не затемняла
ничьих на свете берегов!

Поэма о первом окопе

Стяги по ветру рвутся...

Нам ли годы считать!
Раз один оглянуться —
на два шага отстать.
Но бывают события
даже в малые дни —
не зажить, не забыть их,
как ни кратки они.
Их всё дальше истоки,
а они всё сильнее.
Им и сроки не сроки —
жизнью станут твоей.
Даль казалась не грозной,
а дорога прямой.
Мы с работы колхозной
возвращались домой.
Холодало. Полями
шли – плечо у плеча.
Хорошо под ногами,
пыль была горяча.
Будто всё как бывало,
как неделю назад.
Поглядишь: по увалам
те же ветлы шумят.
Та же мгла по низинам,
но дорожная ширь
вся пропахла бензином
уходящих машин.
И хотя всё на месте —
те ж летят провода.

Но какие вы, вести,
и зовете куда!
Вон шагает в молчанье
рота хлопцев родных,
и закат за плечами
остаётся у них.

...Даль нахмурилась грозно.

Ветер пахнет золой...

Мы с работы колхозной
возвращались домой.

Под отцовские крыши
возвращались домой
просто двое мальчишек,
перешедших в седьмой.

А идти ещё много,
за верстою верста.

Отпылила дорога:
ни машин и ни стад.

Только память вчерашняя —
в землю втоптаный сноп.

А солдаты на пашне
молча рыли окоп.

Там, где ширью богатой
плыли трактор и плуг,
рыли просто лопатой
и не глядя вокруг.

Тут и стали мы. Ноги
дальше нас не несли.

Мы свернули с дороги,

мы к бойцам подошли.
Мы сказали: – Мы ловкие,
и не страшен нам бой,
дайте нам по винтовке
и возьмите с собой.
Не последними в роте
будут те два стрелка.
А в разведку пошлёте —
приведем языка...
– Ладно. Спели и хватит, —
вдруг сказал командир. —
Дайте им по лопате, —
приказал командир.
И потом, хитровато,
бросив взгляд на песок:
– Не смущайтесь, ребята,
повоюйте с часок.
Ах, как плечи ломило
с непривычки, но я
рыл и рыл что есть силы,
землю сталью кроя.
Вот уж по́ пояс в яме.
А чем небо темней,
тем лопата упрямей
и земля тяжелей.
О, тревожно багровая
от заката земля...
О, солдаты – суровые
наши

учителя!

В трудный год отлучились
мы от глаз твоих, мать.

В горький час научились
мы лопату держать.

Но с того-то и нету
и не будет земли
нам дороже, чем эта
(хоть в росе, хоть в пыли!)

Нас сегодня призвали.

Нынче наши годá.

Но солдатами стали
мы, наверно, тогда.

Да! Тогда, в то мгновенье,
как, уставший и злой,
прибежал с донесеньем
к командиру связной.

И комроты Доронин
портупею надел,
дал приказ к обороне
и на нас поглядел.

Где-то громаы гремели.

Собиралась гроза.

Мы с надеждой смотрели
командиру в глаза.

Дали вдруг озарялись,
и раскаты во мгле
то ли по небу стлались,
то ли шли по земле.

Но под вспышками этими
мы слышали так:

– Вы, наверно, заметили:
воевать – не пустяк.

И у каждого воина
в каждом нашем строю
есть большое, достойное
своё место в бою.

Там, друзья, – показал он, —
ваш окоп и ваш фронт... —

...А дорога бежала
За ночной горизонт.

И от тяжестей ратных,
от всего, что война,
словно в детство обратно
Уводила она...

Но не к книжке знакомой,
не в садов тишину...

Хоть бы шел ты и к дому —
всё равно на войну.

Так сквозь зябкий и ранний —
шли мы – сумерек дым,

словно с важным заданьем
Уходили к своим!

А дорога шаталась
тьмой раздолий степных
и, конечно, терялась
среди великих, иных.

Но прошла через детство

прямо к нашему дню,
как большое наследство
я её сохраню.
Были гóрьки дороги,
был их камень тяжёл,
но обязан им многим,
кто хоть раз там прошёл.

Три звезды

Он вышел рано, до звезды,
звезду ночь засветила позже,
из родника попил воды,
с берёзами простился в роще,
у тихой речки постоял
и, под журчанье переката,
он думал и не понимал:
зачем ему идти куда-то?
Река, берёзы и родник,
казалось, тоже вопрошали:
«Зачем идёшь от нас, родных,
к чужим горам, в чужие дали»?
Не сам он выбрал путь такой —
он шёл с повесткой призывною...
Вернули матери героя
с посмертной Красною звездой.
Он вышел рано, до звезды,

и лишь когда его не стало,
звезда сверкнула из металла
там, где печальные кресты.

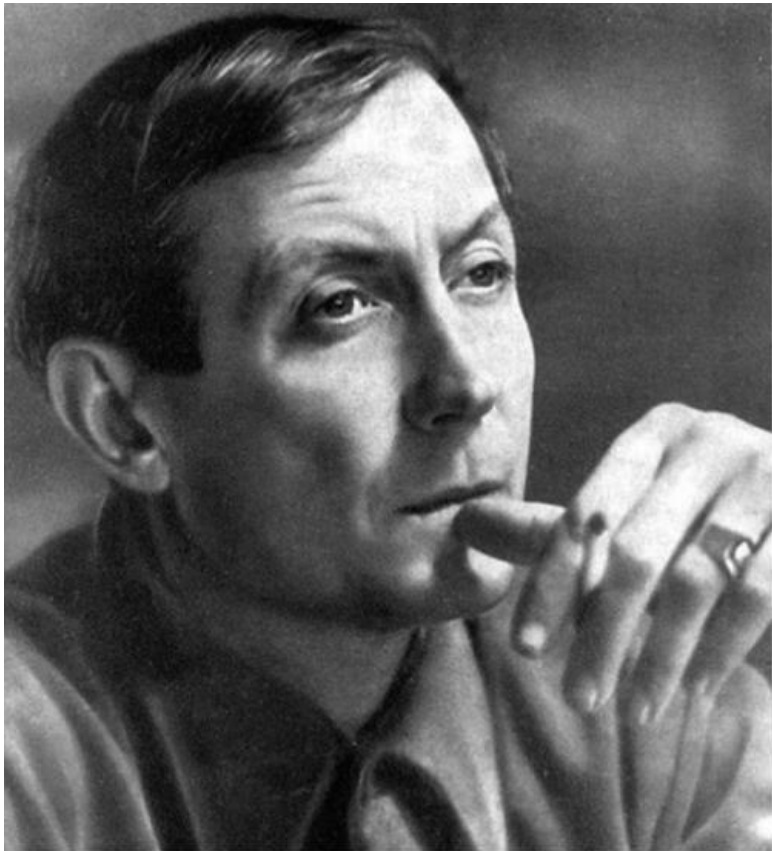
«Нет школ никаких. Только совесть...»

Нет школ никаких. Только совесть,
да кем-то завещанный дар,
да жизнь, как любимая повесть,
в которой и холод и жар.
Я думаю, припоминая,
как школила юность мою
война и краюшка сырая
в любом всероссийском раю.
Учебников мы не сжигали,
да и не сожжём никогда,
ведь стекла у нас вышибали
не мячики в эти годá.
Но знаешь, зелёные даты
я помню не хуже других.
Черёмуха... Май... Аттестаты.
Берёзы. Нет школ никаких...

Н. Н. Сотников

Путь шёл от станции Зима почти по всей планете

Труднейшая задача и в то же время первейшая, если постоянно иметь в виду, что данная *книга в книге посвящена поэтам – детям войны и Победы*. Представить себе её без имени Евгений Евтушенко невозможно! Да, есть свои лидеры по масштабам талантов в других бывших республиках Советского Союза. Прежде всего, это Украина с Линой Костенко во главе и Белоруссия с таким несомненным лидером, как Рыгор Бородулин. Горжусь, что писал о них как критик, посвящал им свои радиопередачи из военно-героического цикла *«Память сердца»*, что бережно храню в своей библиотеке подаренные мне ими книги. Были и есть и другие яркие имена со своими особенностями, со своими открытиями. И, хотя я не люблю прямых аналогов, как говорили в старину, *«военной и статской службы»*, но могу с уверенностью подтвердить: они выглядят как маршалы среди генералов и даже старших офицеров. Разрыв уровней просто огромен! Так же огромен и вклад лидеров нашей славянской поэзии в *«изящную словесность»*, как опять же в старину говаривали и авторы, и читатели.

Е. А. Евтушенко (1932–2017)

О Евтушенко я впервые услышал в телепередаче Ленинградского телевидения, посвященной очередному Дню Победы. Молодой актёр-декламатор очень проникновенно про-

чёл стихотворение тогда совсем ещё молодого, но уже не начинающего, а набирающего силы Евтушенко «*Дзот стоял над Волгой, самой Волгой...*» Скупые и даже нарочито прозаические строки повествовали о том, как стилиаги, дети более чем состоятельных родителей, устроили на отцовских автомобилях «культпоход» на место лютых боев и осквернили старый, но ещё сохранивший дзот.

Спустя несколько лет, опять же с телеэкрана, я слышал монолог заслуженно популярного сперва актёра, а затем и кинорежиссёра Леонида Быкова, который говорил с такой же страстностью и примерно о том же – о бережном и даже трепетном отношении к памяти наших воинов. К тому же они почти ровесники: дети войны. Их чувства накалены до предела. Вы это почувствуете, прочитав нашу *книгу в книге* от начала до конца.

А вот встретиться и лично познакомиться с Евтушенко мне по разным причинам не удалось. Одна из главных причин – это его снисходительное отношение к ленинградским и (частично) к московским стихотворцам, одни только имена которых были для меня неприемлемыми. И хотя меня приглашали на встречу молодых поэтов с Евтушенко, я от этой встречи уклонился, тем более что некоторых из числа приглашённых я знал лично и, мягко говоря, симпатий к ним не испытывал.

И все-таки три коротких телефонных разговора у нас состоялись: один сугубо деловой (мне, студенту-практиканту

Ленинградского журфака, известинцы поручили встретить Евтушенко и провести его в актовый зал, где должен был состояться его творческий отчёт о завершении многокилометрового водного рейда старенького корабля «Микешкин» по Сибири с выходом в океан); второй – в какой-то мере инструктивно=порученческий (Евтушенко не мог дозвониться до руководства Ленинградской писательской организации, чтобы подключить наиболее активных литераторов к выпуску брошюры-протеста против зверств генерала Пиночета в Чили) и третий – мне поручили пригласить Евтушенко на празднование 40-летия полного снятия блокады (дело в том, что я был одним из организаторов основных торжеств этого незабываемого года). Не буду скрывать – короткие диалоги носили несколько официальноказённый характер. Думаю, что он это общение вовсе не запомнил при таком постоянном обилии ярких и впечатляющих контактов!

Было и заочное общение. Один евтушенковед-любитель послал Евгению Александровичу по почте вырезку из газеты «Смена» с моей рецензией на его фотовыставку в Ленинградском дворце молодёжи, который ныне, мягко говоря, перепрофилирован. Через несколько дней я получил от Евтушенко (через его ленинградского посредника) устную благодарность.

И наконец, работая уже в издательстве «Лениздат» старшим редактором редакции художественной литературы и являясь организатором книжной серии «XX век: два лика пла-

неты», письменно предложил Евтушенко согласиться на перепечатку его боевого и очень темпераментного очерка-памфлета «Конец диктатуры пляжа» в сборнике «Советские писатели Италии». Получил очень короткую записку со словами благодарности.

Вот, собственно, и всё! Правда, в последние годы я не пропускал ни одного его творческого вечера в Ленинграде в Большом зале Филармонии, в зале Капеллы, в Концертном зале у Финляндского вокзала. На вечерах этих я был всех, за исключением вечера любовной лирики «Эта женщина – моя». Поэт не раз выступал также в концертном зале «Октябрьский» и, не скрою, очень огорчился, замечая, что публички становится всё меньше. В годы так называемой «перестройки» **ВПЕРВЫЕ** книги Евтушенко появились в магазинах и на прилавках в *свободной продаже*, без очереди! Это был очень тревожный симптом. Где-то поэт резко перегнул палку и тем самым потерял (скорее всего – безвозвратно!) значительную часть своих читателей и почитателей.

Стойкие его приверженцы искренно переживали, увидев, как болезни подкашивали их кумира. Особенно тяжкие вздохи раздались, когда Евтушенко, человек несомненно закалённый и физически крепкий, с трудом опираясь на суковатую толстую палку, вышел на сцену и сразу же сел на стул!

А дальше и далее он выходил уже с протезом, и наконец его верная жена Мария Савельева стала его вывозить на кресле-каталке. Это был целый ряд сильнейших ударов за

ударом!

И тем не менее голос был тот же, темперамент сохранился, манеры были почти те же самые, к которым мы привыкли.

Евтушенко был и оставался не только человеком огромных и разносторонних одарённостей, но и поэтом большого мужества, стойкости и упорства.

Всё это не значит, что ВСЕ, в РАВНОЙ МЕРЕ и ОДИНАКОВО ПОЗИТИВНО встречали КАЖДУЮ его поэтическую новинку. НЕТ! Были слабые аплодисменты, и слишком затянувшиеся после окончания чтения паузы, и какой-то явно отстранённый шум в зале. Если сравнить его явно триумфальное выступление в Большом концертном зале «Октябрьский» с его последними выступлениями, например, в Концертном зале у Финляндского вокзала, то даже самый стойкий поклонник не мог не заметить, что он является свидетелем спада живого интереса к творчеству любимого поэта. Да, порою программа, состоящая преимущественно из новинок, перемежалась классически известными стихотворениями. Тогда аплодисменты возвращали нас к былым и даже совсем недавним временам.

Для публики были и неожиданности. Да и публика заметнее разделилась на тех, кто «ЗА», и тех, кто «ПРОТИВ». То, что радовало одних, вызывало заметное неприятие у других. Особенно остро это проявилось на вечере в Большом зале Филармонии. Тогда Евтушенко на мотив довоенной популярной песни на слова Виктора Гусева «Полюшко-по-

ле» спел свой новейший авторский вариант, который вызвал очень заметное размежевание зала:

*Армии Красной
нет, и стала смерть напрасной.
Отсырели старые шинели.
Только песни наши уцелели.*

Не стану скрывать, среди тех, кто решительно «ЗА», был и автор этих строк. Но и ортодоксы, и прозападники встретили это короткое, но очень впечатляющее выступление в штыки, решительно доказав, что поэт НИКОГДА полностью не принадлежал ни к тем, ни к другим.

О Евтушенко можно и даже необходимо писать, углублённо анализируя его многогранную деятельность, прежде всего творческую. Когда вы будете читать нашу *книгу в книге*, пожалуйста, перечитывайте отдельные страницы и сравнивайте их. Убеждён, что чем вы лучше вы знаете и поймаете поэтическое творчество, его природу и современные особенности, то тем увереннее вы скажите себе: «*Да именно Евтушенко был и остаётся лидером нашей русской поэзии*».

...Для данной публикации я отобрал стихи о военном детстве. И хотя Евтушенко хвалит и даже перехваливает якобы зачинателя этой темы в нашей поэзии Владимира Соколова, нет сомнения именно в его лидерстве.

Будем считать, что наш разговор продолжается и ещё многократно продолжится. Творческие победы Евтушенко столь

очевидны, что честный и добросердечный человек ни при каких обстоятельствах не станет пытаться их оспаривать.

Есть ещё три обстоятельства, о которых я просто не имею права не сказать. Это невероятная, какая-то чемпионски-спортивная погоня-жажда посетить как можно больше стран! На пользу ли это? Не уверен. Подлинные открытия принесли Париж и Италия в ранний период творчества. О других странах ТАК не скажешь. Я, естественно, как убеждённый гуманитар медицинскими познаниями не отягощён, но, готовя в течение ряда лет радиопрограммы из цикла «Память сердца», не раз убеждался в том, что многие литературные, прежде всего поэтические судьбы, значительно раньше, чем можно было бы предположить, оборвались после таких вовсе не обязательных, но очень утомительных туров. Творческий результат минимален, а иногда даже анекдотичен. Уж как я люблю Сергея Орлова и Андрея Макаёнка, но читать об их странствиях по Пекину в поисках туалета могу только как сатирик!

Ещё величайший Гёте предостерегал пишущих, рекомендуя им *максимальное самоограничение*. Если бы не сильная простуда, он бы оставил нам ещё куда большее литературное наследие. Применительно к Евтушенко нельзя не сказать о том, что его переутомил и даже сбил с толку огромный том «Строфы века» издательства «Полифакт» (Минск – Москва, 1995, 128 учётно-издательских листов, 12 000 экземпляров). Громадная работа, на износ! А самая большая беда в том,

что составитель и инициатор почти всех публикаций непременно решил в одном томе поселить, как в провинциальной гостинице, авторов не только очень разных мерами талантов, но и идеологически чуждых друг другу. Это очень остро проявилось на презентации тома в бывшем Манеже на Книжной выставке. Наоборот, это должен был быть более чем строго отобранный сборник с более взвешенными справками-предисловиями, который составитель писал, прямо скажем, не очень строго, а порою даже игриво.

Ещё шире по охвату страницы русской поэзии. Мне не удалось прочесть их от «доски до доски», как говорили наши предки, но ясно одно: общие принципы очень далеки от конкретных творческих и жизненных судеб. Посему говорить об этой составительской работе подробно и обстоятельно преждевременно: нет необходимых текстов в нужном числе.

А вот в гигантском сборнике «Строфы века» (875 авторов!) наше послевоенное поколение поделено на три «разновидности»: «Дети железного занавеса» (поэты, родившиеся с 1946 по 1953 год) и далее «Дети скушных лет России» (поэты, родившиеся после смерти Сталина). Венчает этот «расклад» «Раздел последний» («Бездатые», они же «Рлунг»).

Тяжко и даже болезненно читать всех этих «творцов»! А ведь сборник открывался Маяковским с его революционным пророчеством! Правда, до Маяковского была Зинаида Гиппиус, которая послала Гитлеру приветственную телеграмму в роковой для нас День 22 июня 1941 года!..

Как мне сказал один литератор-автолюбитель, «ничего нет страшнее в дороге, чем неисправные руль и тормоз».

И всё же не эти огрехи главное. Главное – стихи!

Н. Н. Сотников

«Не думай о секундах свысока...»

Эта песенная строка Роберта Рождественского как нельзя лучше подходит к нашему сборнику. Он действительно умел ценить и секунды, и мгновения и по возможности наполнял их весомым содержанием.

Сравнительно недавно я, принимая участие в одном остром споре о достоинствах поэзии 50-70-х годов, решительно не согласился с тем, будто лидеры гражданской лирики тех лет уже перестали волновать сердца, особенно молодые и покоятся в архивах и больших библиотеках. При этом почему-то ни слова не было сказано совершенно не поддающихся учёту личных поэтических библиотеках. А это огромный книжный массив, особенно в масштабах нашей страны!

Впервые (в первый и единственный раз!) я увидел Роберта Рождественского довольно близко: он был, естественно, на сцене, а мне повезло: участливая билетёрша дала мне свой стул, который разрешила поставить как можно ближе к сцене.

Р. И. Рождественский (1932–1994)

О неожиданном творческом вечере Рождественского я узнал случайно; возвращаясь домой (а жил с тогда на своей родной Петроградской Стороне). Проходя мимо Дворца культуры имени Ленсовета, вдруг заметил и афишу, и довольно крупный транспарант. Всё это хорошо, кроме одного: билеты все уже тут же были раскуплены, хотя время для выступления оказалось не самым удачным: и не середина дня, и не вечер. Говорили, что вечер был организован экспромтом. А дальше уже – чистой воды «техника»: длинные очереди, дискуссии с билетёрами... Вероятно, на них подействовали мои слова о том, что я об этом литературном концерте буду писать.

Сейчас, конечно, многие подробности подзабылись, но всё-таки какие-то главные выводы сделать возможно. Во-первых, авторская манера, довольно, простая, даже будничная, безо всякой позы. Это была именно БЕСЕДА со зрительным залом часа на полтора. Помню ответы на записки из зрительного зала. В частности, его упрекали за то, что он вышел из числа членов редколлегии «Литературной газеты». Рождественский развёл руками и сказал, что много ездит по городам нашим и зарубежным странам и никак не может нести даже моральную ответственность за ту или иную, особенно острую и спорную, публикацию. В ответ, как сейчас помню, прозвучали аплодисменты, то есть зал в целом

одобрил такую позицию. А свадебных чеховских генералов развелось в ту пору особенно много. Наиболее болезненно они проявляли себя именно в этих редколлегиях и в издательских редсоветах. В конце концов это же не разовый почётный президиум!

Читал в тот вечер поэт сравнительно немного и опубликованных произведений, и тем более новинок. Какой-то отретированное™, заданности не чувствовалось вовсе.

Лично мне тогда понравилась его интонация. Она была уверенной, но умеренной, без саморекламы. И вообще встреча носила характер живого и доверительного разговора, что в большом зале всегда ценится особо. Это ведь не какая-нибудь маленькая, скажем, библиотечная аудитория.

Больше на выступлениях Рождественского мне бывать не приходилось... И уж, конечно, я даже представить себе в ту пору не мог, что пройдёт несколько лет, и я как штатный сотрудник издательства «Лениздат» буду готовить к печати для сборника «Советские писатели о Франции» (серия «XX век: два лика планеты») политический очерк Рождественского «Париж без музеев». Я написал ему официальное письмо. Он ответил мне телефонным звонком. Всё очень чётко и лаконично.

А дальше – редкие просмотры телепередач с его участием, чтение его новых книг. С особым удовольствием я прочёл его небольшую, но очень ёмкую и темпераментную книгу о современном песенном творчестве – только на примерах из

музыкальной жизни нашей страны.

Уже в разгар «перестройки» меня по глазам хлестануло сумбурное и крайне нечёткое стихотворение о трагедиях на улицах, прежде всего московских. Ту телепередачу, которая так возмутила одного публициста, автора реплики в газете «Советская Россия» я не слышал и не видел, но был не просто огорчён, а даже подавлен этим неожиданным впечатлением. Этот горький осадок остался до сих пор. Как мне помнилось, поэт неизменно занимал чёткую, взвешенную и по сути своей правильную позицию в отношении многих негативных явлений, которые проявлялись всё резче и резче.

Трудно и даже невозможно отмахнуться от этих преобразований, но ещё труднее забыть всё то лучшее, что он сделал как поэт и публицист. Перечитайте его книгу о русской советской песне. Сбросить со счетов такую книгу никак нельзя!

Н. Н. Сотников

Шёл пароход «Победа»

С Игорем Таяновским я вначале познакомился заочно: его сборник стихов «Третий горизонт» купил в газетном киоске мой друг и ученик Вячеслав Всеволодов и сразу же залпом прочёл! На следующий день он примчался ко мне домой с этой книжкой в руках, и началась у нас долгая и очень вдохновенная беседа. Слава читал эти стихи (да и вообще стихи) не как любитель: дело в том, что в литературном клубе «Дерзание» при Ленинградском дворце пионеров он поначалу определился в поэтическую секцию. Любовь к поэзии он пронёс через всю жизнь и даже в самые последние месяцы завершил свой творчески путь в прозе и публицистике преимущественно на военно-героическую тему лирическими миниатюрами.

Книжку Таяновского он мне оставил, и я долго не мог с ней расстаться. Это только кажется, что в 60-80-е годы, говоря словами Евгения Евтушенко, «стихи читает чуть не вся Россия». Явное преувеличение, но при благоприятных условиях. Мы с заведующей отделом творческих кадров правления Союза писателей России Анной Вацлавовной Утлинской очень внимательно анализировали состояние писательских организаций Российской Федерации и чаще всего были

удручены: многие края, области и автономные республики вообще похвастаться какими-то успехами не могли. Вот два города, как сказал один литературный педагог, «заглавные в истории России», Псков и Новгород, а ведь отличаются там на общероссийском фоне лишь двое – Игорь Таяновский и Евгений Борисов, новгородец и пскович. А есть большие областные города, где, как говорится, шаром покати!..

Утлинская, конечно, была озабочена множеством организационно-административных вопросов, но очень редко (а это показательно) выходила за рамки своей текущей работы и радовалась новинкам просто так, от всей души. Так вот, стихи Таяновского сразу же пришлись ей по душе! «Обратите на Таяновского внимание! – сказала мне Анна Вацлавовна. – Ведь вы думаете о редакторской работе, а Новгород и Псков издательски с Ленинградом связаны».

И действительно, вскоре я стал старшим редактором в редакции художественной литературы «Лениздата» с преимущественным уклоном в сторону поэзии, как сформировал круг моих обязанностей наш новый главный редактор. В тот сравнительно короткий период редакторы принимали активное участие в тематическом планировании, и я постарался, как мог, добиться включения в тематический план нашего новгородца Игоря Таяновского.

Книжку мы с ним назвали «Откровение». Был ещё один вариант, но он решительно не подошёл. Работа шла тяжело, потому что поэт непременно хотел включить в состав

сборника свои самые последние, но не самые удачные стихи, и тут редактору, а заодно и автору пришлось по этому поводу поволноваться. Но всё равно душа моя спокойна: книга получилась очень тщательно отобранной, однако больше мы лично не встречались, но, тем не менее, я подготовил и провёл две радиопередачи и сумел опубликовать несколько рецензий не в новгородских, а именно в ленинградских газетах.

Самые последние стихи Игоря Александровича я не читал, но из того, что сейчас есть в его активе, можно смело отбирать лучшее для антологии 70-80-х годов.

Попробовал Таяновский обжиться в Молдавии. В Кишинёве вышел его сборник стихов. Но моральный климат в Молдавии, как и в других союзных республиках, стал, что называется, «зашкаливать», а тут ещё – довольно острое и резкое выступление Таяновского по национальным вопросам. Короче говоря, вернулся он на свою «фамильную», как он пишет, Новгородскую землю.

А работа?.. А примерно такая, как у Евгения Борисова, только что не такая тяжёлая и напряжённая, хотя отнюдь и не сахарная: достаточно сказать, что в его трудовой биографии значится целина.

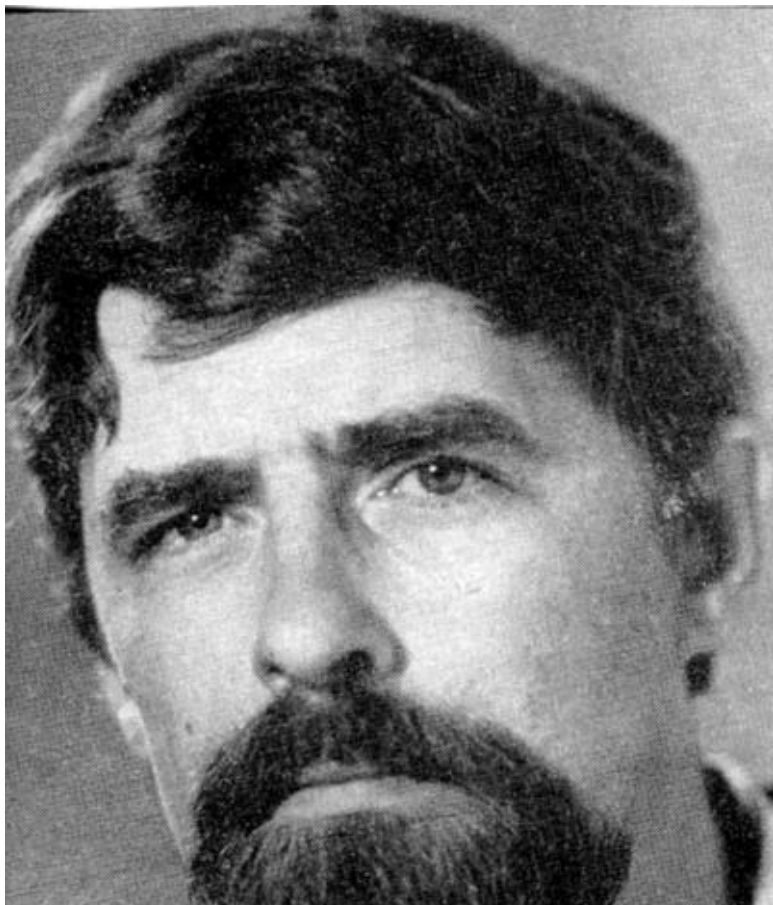
Что же касается учёбы, то можно сказать – повезло: был принят на двухгодичные Высшие литературный курсы, оказался на семинаре весьма строгого педагога Александра Межирова, который предварил книгу избранного для издатель-

ства «Детская литература» предисловием. «Ну вот, – порадовалась Анна Вацлавовна. – Межиров – педагог строгий. Значит, по достоинству стихи Таяновского оценил!»

И всё-таки писал Таяновский сравнительно мало, и жилось ему трудно. Но зато у него очень мало стихотворений, которые не выдержали испытание временем.

Задушевность, простота, обаяние – вот что уже довольно длительное время влекут к себе стихи поэта, для которого и в жизни, и в творчестве продолжает свой путь пароход «Победа».

**Игорь Александрович
Таяновский (1936–2009)**

В парке пушкинском Кишинёва

А душа до дна
век не выболит,
потому что душа – без дна.

...Словно хату,
Молдову выбелит
вешним цветом
тётка Весна.

Вдоль по улочкам
мы пойдём пешком,
как идут
к святым местам.

Здесь,
под камушком
в парке Пушкинском,
служит Родине
капитан...

Друг-приятель мой
зеленá винца
на троих, как бог,
разольёт.

Но один стакан
не поднимается:
капитан на службе
не пьёт.

...Ты хотел, отец,

сына сильного.
Не реветь же мне
при отце!
А у друга,
Борьки Васильева,
у матроса
Борьки Васильева
море
Белое
на лице!
И его отец,
как родитель мой,
выручал страну
в час беды.
И его, как мой,
Всё нейдет домой,
Да ни камушка,
Ни звезды.
И молчать сейчас
Про одно с дружкой
Не получится
Ни черта!
У меня отец – вот он,
рядышкбм.
А товарищ мой —
сирота.

Цветок картошки

Узоров из цветов земля навяжет,
как мера с красотой
душе покажут.

Всё расцветает в мире,
как всегда.

Шмели в цветах медовых
важно роются,
а я вот ожидаю: ну когда
цветок картошки
на Руси раскроется?

В ладонях коренастого куста
затеплится
смущённое свечение,
как будто приоткроет Красота
великое своё
предназначение.

Когда рванулся
Запад на Восток
и мир дрожал
от столкновенья грозного —
Железный Рур
расшибся о цветок,
цветок картошки
с полюшка колхозного.
Землёй родимой

пахнет от него,
негож он для букетика продажного.
Но от цветенья скромного того —
светлей в России
на душе у каждого.
Росли мы на картошке —
я и ты.
Её земная сила
в наших мускулах...
Ну, вот и всё
о смысле красоты
и о цветке картошки
с поля русского.

Считалочка

Как много в душе
сокровенного!
Во мне и поныне жива
считалочка детства военного,
особого смысла слова:
«Шёл пароход «Победа».
На нём не хватило обеда.
Что случилось?
Беда!
Что пропало?
Еда!
Ты её съел?
Да!»
...Пайков
тяжеленные граммы.
Отцов
треугольный привет...
Работать
усталые мамы
от нас уходили
38
чуть свет.
Опасное небо
над городом.
Пустой,

без крапивинки,
двор,
где в прятки играли мы
с голодом,
где прячется детство
с тех пор,
где Галочка или же Леночка,
а, в общем, живая душа,
годочков семи иждевеночка,
лепечет
худым малышам:
– Шёл пароход «Победа».
На нём не хватило обеда.
Что случилось?
Беда!
Что пропало?
Еда!
Ты её съел?..
Да-а-а!..

Считалочка детства военного,
особого смысла слова!
Пусть будет
среди сокровенного
считалочка эта
жива,
в которой так виделось детям
сражающейся страны,
что где-то,
сквозь волны и ветер,

по чёрному морю войны
шёл пароход
«Победа»...

Мой первый стих

Мой первый стих...
Шёл год – сорок второй.
И было страшно, голодно и сыро,
Когда в наш детский сад
пришёл герой
Со «шпалами»
большого командира.
Он нам сказал:
– Мы скоро победим!
Он был огромный,
и совсем не строгий.
И красный орден
на его груди
весь наш детсад
ладошками потрогал.
В тот день
я первый стих придумал свой.
И прочитал со стула,
с выраженьем,
что скоро мой наступит день рожденья,
и с фронта к нам приедет
папа мой.
– И мой! И мой! —
зашёлся криком сад.
– А мой первей!

– А мой, чур-чура, первый!

...И плакала в залатанный халат
седая повариха тётя Вера.

Н. Н. Сотников

«Москва большая, словно степь»

Слова это не мои. Они принадлежат Владимиру Цыбину, о котором я впервые узнал летом 1968 года во Львове. Ныне, зная хотя бы приблизительно обстановку на Украине и тем более на Украине Западной, даже представить себе трудно ситуацию, которую я застал тогда в книжных магазинах и в киосках Львова. Представьте себе: шёл *фестиваль русской поэзии!* То есть на прилавках было немало и украинских книг, но несравнимо меньше, чем книг русских. Именно тогда завершился выпуск библиотеки русской советской поэзии из 50 книг. Они не были слишком нарядно изданы, но всё равно выглядели очень привлекательно. Среди авторов мне встретились десятки знакомых и даже любимых имён, но были и подлинные открытия. Я, например, прежде не встречался с книгами Владимира Цыбина.

Продавщица разрешила мне сесть около выставки, даже принесла стул. Видя, с каким упоением я просматриваю поэтические книги, она просила меня не спешить вплоть до часа закрытия магазина, к слову сказать, одного из самых крупных и престижных, расположенных, разумеется, в центре города.

И вот тогда я, прочитав сравнительно небольшой томик

(а читаю я довольно быстро – сказывается редакторский навык), твёрдо решил, что в Ленинграде поищу книги Цыбина и обязательно о нём напишу.

Своими впечатлениями о его творчестве я через несколько лет поделился с только что назначенным на пост главного редактора журнала «Волга» Сергеем Боровиковым, и он благословил меня на эту экспромтную творческую заявку.

Вообще, надо сказать, критика и в целом литературная окружающая среда Цыбина не баловали. Как я потом узнал, были против него и разные акции, и обидные выпады. Отсюда и его хлёсткое стихотворение «Литературным старове-рам» – одно из самых острых о внутрилитературном быте.

Написано Цыбиным не так уж много (уж куда меньше, чем не только из-под пера Евтушенко, но даже из-под пера Роберта Рождественского. А между прочим, они почти ровесники и однокашники по Литературному институту).

В итоге у Цыбина вышел довольно представительный том лирики «Избы», несколько новинок лирики (не самые главные и удачные его стихи) и два сборника массовым тиражом в издательствах «Правда» и «Молодая гвардия». Что ни говори, а в ту пору было, где печататься даже авторам не первого ранга!

Этот чисто русский поэт и по духу, и по складу поэтической речи родился в Киргизии в крестьянской русской семье. Работал шахтёром, радиометристом. Был принят в Литературный институт. Год окончания института, 1958-й, стал

и годом поэтических дебютов. Сперва он писал почти исключительно стихи, но потом перешёл и на прозу: несколько сборников его повестей и рассказов имели не шумный, но стойкий интерес у читателей, преимущественно москвичей. Он и стал москвичом, хотя духовно никогда не порывал с малой родиной своего военного детства. Как поэт он приобрёл стойкую репутацию стойкого мастера. Некоторые его стихотворения цитировались и устно, и письменно во время приёмных экзаменов (разумеется, на профильных факультетах вузов) и даже на общегородском конкурсе «Моё любимое стихотворение», что меня очень порадовало: ведь это же – строго по личному выбору, ведь это же – не экзамен? В частности, не один участник из числа старшеклассников наизусть читал такие стихотворения Цыбина, как «Смерть старика», «Дожди» и особенно – «Маме» и «Бабушка».

Все они – родом из детства. «Родительница – степь» их породила и вынянчила, а затем взрастила.

Читая и сравнивая стихи и судьбы, видишь, как всё же далеки друг от друга наши псковичи, новгородцы, вологжане от своих южных и юго-восточных ровесников. Но это уже новая тема. Она далеко выходит за рамки нашей программы.

**Владимир Дмитриевич
Цыбин (1932–2001)**

Смерть старика

Смерть старика

Он слышит,

как, почуяв дождь,

корова снова беспокоится,

и думает:

«Скотина все ж,

а тоже у нее бессонница».

Он дышит тяжело и медленно,

хватается за левый бок

и смотрит в потолок,

уверенный,

что смерть и та бывает впрок!..

И думает:

«Был сухожил,

жил, только черта поминая,

и многих внуков пережил,

и всё-таки вот помираю...»

Кто постучится в ставень? Кто?

Вот если б можно —

по годочку

отдал бы каждому сыночку,

а мне-то столько лет на что?..»

Сто весен живший на веку,

сто изб поставивший в деревне,

он умирает, как деревья,

на правом высохшем боку.
И, чуя темноту несметную,
он стал щеками бел как мел.
«Вот жалко,
что рубаху смертную
я перед смертью не надел.
Вот годы прожил без остатка,
ни дня у жизни не моля!
Хоть жил с семьею не в достатке,
а всё же как ей без меня?
Оставлю ей одну избушку,
где дождик крышу прохудил...»
И вдруг запахло жжёной стружкой,
сосновым холодом стропил.
И вспомнил он свою жену,
что в сорок пятом похоронена, —
и сердце старое отворено
в ту,
отшумевшую войну!..
И, смертную почуяв грусть,
он удивленно потянулся
и к стенке тихо отвернулся
с последней мыслью:
«Отосплюсь!..»

А утром дым все плыл и плыл,
и мужики молчали чинно.
Дым белым
покрывал морщины

тому, кто столько лет мужчиной
единственным в деревне был...

Бабушка

У стены,
на печке душевной,
за трубой, как за горой,
я, худой и золотушный,
целый день лечусь жарой,
целый день потею, щуплый,
без забавы, без игры
под дремучей, толстой шубой
возле бабкиной иглы.

Я лежу в тепле, как в путях,
и сквозь сна густой завал
слышу охи бабок пухлых:
– Как бы к марту не завял! —
Мне хотелось за калитку,
на снежок, на солнцепек...
Тихо бабушка за нитку
тянет сказки колобок:
– За толстым гусаком
ходит утка босиком,
чулки новы,
пятки голы,
носки —
вы-па-дали!..

Будто я ходил средь города,
где одни дворцы стоят,
где ни холода,
ни голода —
белый, ситный хлеб едят!
Ждал, чтоб солнечных оладушек
утро в небе испекло,
засыпая возле бабушки,
возле сказки тяжело.

И все утро колдовала
бабушка над пирогом,
отрубями набивала,
накрывала чугуном.
– Ох!
Испеку пирог!
Пятерым не снесть,
семерым не съесть,
чтоб лежал он скобочкой
под хрустящей корочкой,
под розовой, калёной,
как царь под короной!
Прямо с пламени, хвалённый,
аржаной мукой холённый,
тот пирог я утром ел,
так, что он во рту хрустел!
Так я ел его, покуда
по весне на третий год
не ушла моя простуда,

вся хвороба
в жар и пот...
Возле печки у окалин
как домой меня ждала!
Месяц греется о камень,
под которым ты легла.
И пришёл сюда покаяться,
что приехал я не в срок.
Не вернется, не покатится
в сердце бабкин колобок...

Звёзды

Светлей росы и снега,
холоднее льда,
Заголубела Вега,
красивая звезда.

Её сопровождала,
желтея горячо,
Вся будто из металла,
красивее ещё.

Меридианы, вёрсты,
всецветные огни...
Не всем на свете звёзды
нравятся одни.

Но всё ж, когда отыдем
у всех краев беду,
Давайте тост подыдем
за красную звезду!

Памяти Михаила Луконина

Здесь рифмуются пожарища
ничему не вопреки...
Старшие мои товарищи —
все фронтовики.

Им доверить можно исповедь,
к ним войти, как равный, в дом.
Я люблюсь ими исподволь
в этом времени и в том.

Не пустили, в пламень дунувши,
есть такие времена —
Что и отроков, и юношей
возраст мучит, как вина.

Где оно, моё бесстрашие,
перед пулей и штыком?
Время, кажется, вчерашнее,
но сегодня в горле ком.

Здесь рифмуются пожарища
ничему не вопреки.
Лучшие мои товарищи —
все фронтовики.

Но ни в деле, ни на празднестве,
где бы с ними ни шагнул,
Вопиющей этой разницы
Ни один не подчеркнул.

Не смешаю были с небылью —
у другого был огня.
Просто знаю: если б не было их,
то не было меня.

О чём говорят обелиски?

О чём говорят обелиски?

О том ли, что время – в избытке,
что тишь над землею повисла,
как будто на тоненькой нитке.

О том ли, что нету покоя,
хоть сердце теперь из гранита, —
а то, молодое, живое,
в суровую землю зарыто!

О чём говорят обелиски? —
Ведь если б не пуля шальная —
лишь вытяни руку – и близко
живая поверхность земная!

О чём говорят обелиски? —
Что слышится в каменном вздохе?

Тоска ль по избе неказистой,
печаль по смятенной эпохе?

О чём говорит их молчанье? —

О том ли,
что смотрят открыто
прямыми своими глазами
в бессмертье своё из гранита!

О той ли речушке,
где в заводь
заброшены блики, как сети?

А всё же на свете одна ведь

такая, чтоб помнить до смерти!
О чём говорят обелиски? —
О всплесках волны на затоне,
о лучиках скользких, как искры,
что гаснут на теплой ладони.
Настроено сердце, как компас,
на строгий ваш свет, обелиски.
Я слышу истории голос
глухой,
словно крик материнский.
Покажется вдруг на мгновенье,
и это мгновение свято,
что тикает сердцебиенье
в гранитной фигуре солдата.
Листва, как осколки металла,
врезается в землю со свистом.
И нету забвения.
Встала
над ними земля обелиском.
Где льют у подножья заката
Дожди каждым летом косые.
И мёртвые помнят солдаты, —
у них в изголовье – Россия!

Звезда на скале

В настороженном пограничье
над горизонтом,
на скале,
на высоте почти что птичьей
её увидел я во мгле.
Могилу эту,
эту насыпь,
где мне светила среди льда,
наверно, сделанная наспех
из жести старая звезда.
И, осветив нетленным светом
навечно
здешние места,
она стоит в обнимку с небом,
звёзд дальних
младшая сестра.
Она стои́т уже полвека,
и негасима, и светла.
Мне кажется,
что вся планета
в её подножие легла.
Ах, сколько их зажглось, лучистых,
посмертно,
звёзд моей страны!
И горы,

словно обелиски,
под облака вознесены.
Суровым временем обветрен,
вот здесь я тихо постою.
Я постою, чтоб тем бессмертьем
проверить снова жизнь мою.

Письма

Пол в щелях, и ставни не отворены,
на пороге снег:

дети на войне все похоронены —
три войны за век.

Сколько ни считала, ни кумекала,
выплакавшись всласть,
собиралась к внучкам — не уехала, —
здесь ведь родилась,
ведь еще из памяти не изгнаны
давние года.

Белые январские над избами
виснут холода.

И когда подёрнет коркой тонкою небо на заре
и покроет снежною стежёнкою
сено на дворе,

и изба сама пургой побелится,
подновится вдруг,

и в печи от дров сухих поселится
снова тёплый дух, —

в праздничном платке присядет в горенке,
скатерть обмахнет,

вынет фронтовые треугольники —
по складам прочтёт.

Только радость тем чуть-чуть пригёрчена,
что они опять —

ведь просила! – пишут неразборчиво,
как тут разобрать?

Видно, к ним война и впрямь неласкова,
если часа нет

написать: здоровы, мол,
и наскоро

всем в конце привет.

Сетуют – ещё мальцы зелёные,
выросли иль нет...

Матери не верят в похоронные
двадцать с лишним лет.

И лежат за окнами,
под избами,

кажется, века

там нераспечатанными письмами
белые снега...

Н. Н. Сотников

«Наша Лариса Васильева»

Когда так говорят о популярном певце (певице), спортсмене (спортсменке) это не очень-то удивляет, потому как срабатывают десятки объяснений этому явлению, имя которому далеко не только мода как таковая. Но когда так ждут выхода на сцену, появления новых публикаций, во-первых, начинающей поэтессы, во-вторых именно поэтессы, а не поэта, невольно начинаешь размышлять о феномене такого творческого явления.

Как сейчас вижу перед глазами представительный зал Дворца культуры имени С. М. Кирова на Васильевском острове. На сцену даже не вышла, а именно выскочила совсем юная девушка, и сразу же полились певучие и очень по настрою и по духу русские строки: «Ах, вы сани расписные!..» Номер Васильевой был лучшим в творческом отчёте редакции журнала «Москва». Для нас, ленинградцев, это был самый, пожалуй, яркий творческий дебют.

И вот она уже лауреат премии Московского комсомола, а вскоре – собственный корреспондент «Литературной газеты» в Великобритании.

До сих пор не просто вижу газетный текст, а словно слышу именно ее голос, который спешит нам поведать о том,

как воспринимают англичане творчество Сергея Есенина. А ведь называлась публикация более чем непривычно: *«Есенин в Лондоне»*. В Лондоне, как известно, он не был, но в то же время был вместе со своей вымышленной Анной Снегиной.

.. И вот когда мне как старшему редактору редакции художественной литературы «Лениздата», которому поручили поставить большой проект *«XX век: два лика планеты»*, я сразу же направился и к директору, и к главному редактору и убеждённо предложил именно Ларису Васильеву как составителя однотомника *«Советские писатели об Англии»*. Мне назывались и другие кандидатуры, но я продолжал упорствовать.

И вот мы стоим в фойе пятого этажа Лениздата и уже практически по-деловому обсуждаем, какой быть этой книге. Но прежде она благодарит меня за мою рецензию (а по сути дела – творческий портрет) под названием *«Объективное волшебство»*. Публикация вышла в свет в журнале «Москва», как, впрочем, и большая рецензия моя на новую книгу стихов Юрия Воронова. Васильевой номер журнала послали в Лондон, а Воронову – в Берлин, где он был собственным корреспондентом на ГДР и Западный Берлин. Во-первых, я много моложе их обоих, во-вторых – ленинградец, не входящий в актив московской литературно-художественной прессы.

И вдруг Лариса Николаевна начинает меня уговаривать определить составителем и организатором тома об Англии...

её мужа журналиста-международника Олега Васильева! То же редчайший случай: молодая поэтесса берёт на всю творческую жизнь фамилию мужа. В литературной среде ситуация долго обсуждалась и воспринималась неоднозначно.

Не будем спустя многие годы лукавить: как прозаик она сразу показала себя яркой личностью. С годами её прозаическое мастерство окрепло, обогатилось оно не просто юмором, а довольно жгучей сатирой, когда Васильева стала выпускать книгу за книгой (строго документально!) о кремлевских жёнах и детях.

Там столько тонкостей, что сейчас обстоятельный разговор уведёт нас в сторону, тем более что мы обращаемся к её ПОЭТИЧЕСКОМУ творчеству. У Васильевой весьма широкий поэтический диапазон, хотя она и не офицерская жена, и не фронтовичка, как например, Юлия Друнина. Но и мужского, ярко выраженного начала нет ни в стихотворении об отце Ларисы Николаевны танкостроителе Кучеренко, ни в стихотворении «Мать партизана». И то, и другое – удача, и то, и другое – прорыв. И не случайные это удачи, а вехи на пути к старшим и младшим. А ведь недоиграть или, тем более, переиграть в таких стихах очень легко и творчески губительно. Сейчас, спустя многие годы, я вижу, что успех во многом определил фон и далёкого села с тяжкой дорогой в лес, и таёжного посёлка, ставшего танкоградом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.